

Алхимическая лаборатория

Яйца соловья, которые Гусь-монстр высиживал как придется, наконец-то лопнули, явив на свет пару птенцов. Малыши едва не задохнулись — повелитель, зарыв их в теплую золу очага, благополучно об этом забыл, и если бы не кот Клас, выкопавший находку лапой, птицам пришел бы конец.

Черный кот притащил крошечную добычу в зубах, явно желая выслужиться перед хозяином. В этот момент Фарфадэ как раз вышел в своем новом наряде. Кот выпустил птицу и тонко, заискивающе мяукнул.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил юноша, поднимая зверя на руки.

Внимание Класа тут же привлекла лента в волосах хозяина — сверкающая нить с нанизанными на нее алыми кристаллами. Уступив настойчивости Гитны, Фарфадэ облачился в парадный, но строгий костюм. Он наотрез отказался от кричащих цветов, которые, по словам Гитны, были в моде в мире живых — по крайней мере, их обожали иерархи и монахи. В итоге он выбрал белое одеяние с красной шелковой вышивкой, которое, как заметила Гитна, выгодно подчеркивало его глаза. Рукава были перехвачены светло-зелеными лентами; в комплекте шло еще и тяжелое верхнее платье с разрезами, но его лорд надевать не стал.

В процессе примерки Фарфадэ уловил нотки раздора, и причина вскоре прояснилась. Гитна прибыла из далекой страны с иными обычаями, в то время как большинство женщин, включая Хельзе, были соотечественницами. Пока шла подгонка, швеи успели разругаться в пух и прах, споря о том, стоит ли затягивать пояс, надевать робу или брюки и какими камнями украшать ворот.

— На моей родине мужчина считается взрослым только в двадцать лет! — горячилась одна. — Ему совсем не подходят такие тяжелые наряды. При его телосложении украшения должны быть легкими и изящными.

— В двадцать? Да в двадцать у него уже должно быть двое детей! В семнадцать пора засылать сватов!

— Пойдите, разве это не женский фасон?

— Те, кому нет пятнадцати, — всё еще дети, понимаете? Мягкие линии в одежде для них — самое милое дело!

Фарфадэ искоса взглянул на спорщиц. Видимо, эта женщина выросла в семье, где младшим братьям полагалось донашивать вещи старших сестер...

Не в силах терпеть это и далее, он дождался, пока в комнате воцарится суматоха, и бесшумно ускользнул.

Вернувшись в настоящее, он почувствовал, как кот лениво задевает лапой его подвески. Юноша едва заметно улыбнулся и позволил зверю устроиться на плече. В хорошем расположении духа Фарфадэ подобрал с пола птенцов, решив лично вернуть их в гнездо. Серый, металлический отблеск света, который здесь называли лунным, просачивался в залы, уступая место ровному пламени ламп.

Он замедлил шаг. Мурлыканье кота на плече отозвалось в душе странным теплом, но это мягкое чувство, казалось, исходило не от него самого... Тогда откуда?

Река Фулун текла своим чередом — вечный символ уходящего времени. Когда прачки уходили, воды реки уносили с собой их тревоги, вновь становясь кристально чистыми. Пшеница тянулась к небу, и эта призрачная близость к привычной жизни была лучшим лекарством для тех, кто оказался в чужом мире. Теперь главной темой разговоров стал урожай. Ожидание жатвы крепло, требуя тяжелых, настоящих серпов, ведь надежды легко превращаются в неподъемный гнет, если им не суждено сбыться.

Число обитателей росло, а запасы таяли. Фарфадэ вовремя пресек страсть к азартным играм и временно приостановил прием новых жителей. Если кто-то еще и попадал в его владения, им приходилось обрабатывать хлеб и кров в скудных хижинах, едва защищавших от дождя.

— Вот оно как, — проговорил Гвидо. — А я-то боялся, что вы забыли о моем прощении.

— Последнее время я был занят, — ответил Фарфадэ.

Он коснулся медного кольца на двери и с усилием толкнул створку. Перед ними предстала алхимическая лаборатория, годами скрытая от посторонних глаз.

Просторное помещение встретило их стеллажами во всю стену. Инструменты, сосуды, воронки, рукописи и книги — и знак в центре: треугольник из ножа, флакона и весов, созданный прародителем алхимии Фрамом. Гвидо, не обращая внимания на клубы пыли, в восторге бросился внутрь. Фарфадэ скрестил руки на груди и начал обратный отсчет: три, два, один...

— Кха-кха! Кха!

Когда старик, задыхаясь, выскочил обратно, юноша неспешно посторонился, пропуская слуг для уборки.

— Осторожнее! Смотрите не разбейте ничего! — кричал Гвидо.

В глазах обывателя алхимия была окутана туманом самых разных домыслов. В мастерах этой

науки видели то могущественных магов, то безумных затворников, то уличных шарлатанов, торгующих приворотными зельями. Их вечной целью оставалась капля «Слезы черепа» — эликсира бессмертия, — или легендарный Философский камень, таящий в себе высшую мудрость мира.

Шарлатанов во все времена хватало, истинных же искателей знаний были единицы.

Фарфадэ наблюдал за тем, как Гвидо с почти детским восторгом перебирает линзы телескопов и реторты. Для него это место было прежде всего сокровищницей древних знаний. Химия, медицина, биология и ботаника — все современные науки в этом помещении были смешаны в один пахучий коктейль. Здесь даже хранились образцы тканей в заспиртованных банках, пугавшие непосвященных. Рассудив, что Гвидо предпочтет сам разобрать свои реликвии, Фарфадэ велел слугам лишь смахнуть основную пыль.

Пока старик увлеченно рассуждал об истории своего ремесла, Фарфадэ слушал его вполуха. Он не спешил открывать лабораторию, боясь, что алхимик уйдет в исследования с головой. К тому же, в мире теней медицина не играла большой роли: Фарфаноэрс, как Владыка Чумы, мог одним жестом исцелить любую духовную язву.

«Ну зачем вы вечно едите всякую гадость!» — ворчал порой Гусь-монстр.

Что же он тогда ответил?

— Такова моя природа, ты ведь знаешь.

Недуги, тоска, сердечные боли — Фарфадэ не знал, где люди подхватывают эту заразу. Легкие недомогания лечились едой со специями — Фарфадэ называл это «восстановлением сил», — но с серьезными бедами шли к нему. Подопечные знали лишь то, что стоит повернуться к господину спиной, получить крепкий хлопок по плечу, и после хорошего сна любая хворь отступала.

Сами болезни — в виде черных скорпионов, многоножек или пауков — он собирал в белую ткань и запирал в банки. Раньше Ансеринус не интересовался делами лорда, погруженный в кулинарию, но однажды, застав Фарфадэ за поеданием этих «трофеев», не удержался от вопроса:

— И как оно на вкус?

— Трудно описать, — ответил Фарфадэ, обрывая хвост призрачного скорпиона. — Для смертного вкус был бы невыносимо тошным, плоть — склизкой и гнилой. Но в этом есть особая сладость. Она дарит сытость.

— О боги... Это ужасно. Может, мне сварить вам нормального супа?

— Не стоит.

От обычной еды голод лишь разгорался. Это было похоже на просмотр видео с деликатесами на пустой желудок: рецепторы довольны, но утроба требует иного. Фарфаноэрс не любил есть прилюдно — даже если со стороны казалось, что он просто жуёт диковинное печенье.

— На чем я остановился? — Гвидо надолго замолк, глядя на стол, прежде чем продолжить.

Фарфадэ, пропустивший мимо ушей добрую половину лекции, зацепился за знакомое слово.

— Орден?

— Да-да. Орден Т.Т.Д. Это научное братство алхимиков, которое когда-то было невероятно влиятельным. Многие принцы и дворяне тайно вступали в его ряды. Их цели не отличались новизной: поиск истины и сокровенного знания... — Гвидо коснулся старой рукописи на столе, но тут же отдернул руку и протянул пергамент лорду.

— В этом ордене всегда было ровно тридцать человек. Они странствовали по всему свету, но с тех пор, как их видели в последний раз, прошел целый век. Мы, нынешние алхимики, считаем, что они либо все погибли, либо обрели искомое бессмертие.

До этого дня Гвидо считал Орден городской легендой, безумным мифом. На рукописи красовался странный знак. Это не были привычные алхимические инструменты или кадуцей врачей. На рисунке были изображены яблоко, терновник и коралловые полипы. Яблоко образовывало три грани, заключая кораллы в центр, а шипы пронзали их насквозь, замыкаясь в кольцо.

Теперь всё встало на свои места. Гвидо, уже научившийся распознавать Демонический язык, понял: если Орден Т.Т.Д. действительно владел тайным знанием, то его нечитаемые тексты были написаны именно на этом языке.

Пока он ждал ответа лорда, Фарфадэ внезапно замер. Резкая, колющая боль пронзила мозг, парализуя мысли. Тьма, огромная и неизбежная, нахлынула на сознание.

Хруст!

Пергамент в его руках разлетелся в клочья.

— Все это — наглая ложь, — глухо произнес лорд.

Он удержал ускользающий свет разума, подавив боль. Сохраняя маску привычного высокомерия, Фарфадэ холодно бросил:

— Здесь не на что смотреть. Забудь об этом и займись делом. Используй свои знания, чтобы создать удобрения для полей. Раз уж бесплотные духи не ведают нужды, придется искать иные способы повысить урожай.

— Удобрения?

— Именно, — хмыкнул лорд. — Ищи решение. Нам нужно кормить людей.

<http://bllate.org/book/16116/1584879>